

Хотилово

Есть на трассе между Москвой и Санкт-Петербургом необычное место. Его отмечают многие путешественники: прямо перед тобой, на горизонте, возникает церковь, и дорога как бы упирается в неё, но затем, перед самой церковью, сворачивает налево и уходит в сторону. Такой же вид открывается, когда следуешь из Санкт-Петербурга. Тогда дорога перед храмом уходит вправо. Купол и колокольня этой церкви видны за несколько километров и в солнечную погоду являют собой картину божественной красоты. Когда несколько месяцев назад я впервые всё это увидел, то, пораженный, даже не обратил внимание на селение, у которого находится храм.

И вот, я вновь на трассе, вновь вижу перед собой эту церковь. Теперь уже знаю, что здесь находится старинное село Хотилово...

Но что это?! Прежней красоты как не бывало. Наша церковь – обгоревшая, полуразвалившаяся, опустевшая... Внутри груды обуглившихся кирпичей, обвалившихся кусков стен и еще чего-то такого, что совсем недавно украшало этот храм. Когда говорят «мерзость запустения» – имеют в виду именно это. Что же здесь произошло?

Обескураженный увиденным, я остановился у сельского магазина и первого же прохожего спросил: «Что случилось?» Мне сразу же ответили, что церковь подожгли, и вообще здесь, в Хотилове, в последние годы все горит, а почему – никто не знает.

Я зашел в магазин, где кроме продавцов были еще несколько покупателей, и стал расспрашивать о Хотилове. Мне посоветовали зайти в библиотеку, находящуюся неподалеку от магазина.

Сельская библиотека расположена в одном из обычных деревянных домов, который отличается лишь тем, что выкрашен в темно-оранжевый цвет. На сером фоне других изб библиотека выглядит почти новой. Внутри – чистота, идеальный порядок и уют, который дополняет натопленная печка. Даже не дополняет, а определяет, потому что от печки тепло особенное, не такое, как от батарей и прочих обог-

ревателей. Из окна видны всё та же обгоревшая церковь и местный Дом культуры. За ними проходит автотрасса с мчащимися автомобилями, за трассой – другая половина села.

Заведующая библиотекой – Мария Федоровна, пятидесяти восьми лет, побывавшая даже главой администрации Хотилова. Она – хранительница очага культуры в селе. Убери из таких сел библиотеки – и что останется? Сегодня на селе читают в основном детективы, которые хоть как-то отвлекают, и периодику, выписать которую просто не по карману. Читаемость большая. И зарплата у Марии Федоровны, по её словам, тоже большая – аж триста тридцать две тысячи рублей.

– Это потому что у меня высшее образование и большой стаж, – поясняет она. – У других и того меньше: по сто семьдесят, сто девяносто тысяч.

Мария Федоровна содержит небольшое хозяйство и огород. Иначе не прожить. Часто у неё гостят внуки. А вот один из двух сыновей погиб, здесь же на трассе: его, как и сына Валентины Васильевны из Пешек, сшибло машиной. Вот и все, что рассказала о себе Мария Федоровна.

Проходящая по селу автотрасса – настоящий рок Хотилова. На этой дороге погибло много его жителей, и если ставить памятные отметки на месте гибели каждого, то, наверное, свободных мест уже не будет. Отвести же дорогу пока не удастся, и здесь уже не верят, что удастся. Слишком большие деньги для этого нужны. Это беда всех без исключения селений, расположенных на пути таких вот магистралей. Особенно опасно у такой дороги ночью.

В Хотилове проживают сейчас примерно четыреста пятьдесят человек. Большинство – пенсионеры, которые, чтобы прокормиться, вынуждены собирать и продавать лесные ягоды и грибы. Еще торгуют картошкой. Больше здесь продавать нечего. Раньше, по словам Марии Федоровны, так не было. Преимущество у того, кто живет ближе к дороге: поставил ведро с картошкой или клюквой – и жди, пока кто-нибудь из проезжающих остановится. А если живешь чуть дальше, то возможности стоять на обочине целый день, конечно, нет.

Вот как! Коварная эта трасса не только убивает селян, но еще и кормит их, и, отведи ее сейчас в сторону, неизвестно, что станет с

людьми и селом. Другая, почти мистическая, напасть Хотилова – пожары. Они здесь случаются с поразительной частотой на протяжении последних десяти лет. Церковь – лишь одна из печальных жертв в череде странных хотиловских пожаров. Здесь около десяти лет назад сгорел местный клуб, после чего всю культработу перенесли в стоявший рядом дом. Его переоборудовали в клуб, но и он, спустя несколько лет, сгорел дотла. Теперь Дом культуры расположен в еще одном большом деревянном доме, находящемся рядом со сгоревшей церковью. Несколько лет назад сгорела также сельская библиотека, и уже были попытки поджечь новую, в которой сейчас мы сидим и разговариваем. А самый последний пожар, случившийся незадолго до моего приезда, произошел в детском саду. Он сгорел буквально через час, после того как оттуда забрали детей. Кроме того, нередко горят в Хотилове и частные дома. Объясняют эти пожары по-разному, в том числе и мистическими причинами, а всё потому, что никто никогда не видел самих поджигателей. Когда сгорела церковь, то вроде бы рано утром видели там внутри небольшой костер, а вот чтобы у этого костра кто-то грелся – не заметили.

Пока мы беседовали с Марией Федоровной, в библиотеку зашла директор Дома культуры. Если библиотекарь – хранительница очага культуры и информации в Хотилове, то директор Дома культуры – Светлана Ивановна – сам очаг. Она энергичная, разговорчивая, даже веселая женщина лет сорока, в очках, желтой болоньевой куртке и белой вязаной шапочке. Включившись в разговор, она сразу же стала в нем ключевой фигурой, а тема хотиловского бытописания немедленно уступила место «вопросам культуры».

В ведении Светланы Ивановны вся так называемая культурно-массовая работа на селе. Горят в Хотилове один за другим клубы и Дома культуры, библиотеки и просто дома, а Светлана Ивановна от этого, кажется, только крепчает. Во всяком случае, её запала хватает на всех и вся. Она организует и проводит дискотеки для молодежи Хотилова и окрестных деревень, вместе с Марией Федоровной ведет тематические и литературные вечера, руководит видеосалоном, проводит всевозможные праздники, митинги и прочие массовые мероприятия. Например, отмечается в стране праздник Пожилого

человека. Собирают в клубе пожилых людей, и Светлана Ивановна с Марией Федоровной читают им, согласно тематике, стихи о пожилых людях. Какие стихи? Андрея Дементьева, например, – «Никогда ни о чем не жалеете...», или поэта Жупанова – «Пенсионеры»... Ветеранам такие вечера очень нравятся. Всё же какое-то разнообразие, забота, небезразличие.

– Раньше, – рассказывает Светлана Ивановна, – в клубе, который сгорел, мы проводили вечера, посвященные различным поэтам. Твардовскому, например. Читали вслух его стихи, рассказывали биографию. Кроме того, проводили такие праздники, как «Осенний бал» или «Праздник русской березки», очень хорошие, веселые. Но сейчас молодежь поэзией не интересуется, только дискотеку подавай.

Но один праздник все же остался и с годами не меркнет. Это День Победы. С тех пор как умерла самая первая глава хотиловской администрации – Вера Ивановна Самарина, – все митинги, уже четвертый год, проводит директор Дома культуры.

– Мы собираемся у братской могилы, – говорит Светлана Ивановна, – привозим туда всех ветеранов села и окрестных деревень, человек тридцать, приглашаем роту солдат из воинской части, офицеров. Приводим могилки в порядок, красим оградки, убираем мусор, сажаем цветы, и потом уже проводим митинг. Я его начинаю, как положено, вступительной речью, затем даю слово главе администрации, затем батюшке Владимиру, потом представителю российской армии. Народу бывает очень много. Молодежь, школьники, все с цветами. Мы вспоминаем погибших, поем военные песни, плачем... Вот этот праздник еще как-то сохраняется.

И все-таки люди, по словам Светланы Ивановны, стали «не те».

– Я по пожару сужу. Когда церковь загорелась, я бегала и кричала, звала на помощь – ноль внимания. Церковь горит – и пусть горит! Два часа я бегала по трассе, останавливала машины, чтобы кто-нибудь хоть с поста ГАИ позвонил пожарным. За два часа ни одного человека, который бы остановился. Ни одного! У всех закрыты окна, и никто не видит, что наша церковь горит. А машин ведь проезжает много. Я даже вставала посреди дороги, останавливала их собой.

Некоторые остановятся, но, пока я до машины добегу – трогаются с места и уезжают...

– Чем же это объяснить? – спрашиваю у Светланы Ивановны.

– Не знаю... Ко мне приходил тут один человек, ученый из Бологого, из краеведческого музея, – Светлана Ивановна при этих словах стала высматривать кого-то в окне, – он тут в последнее время почти каждый день возле церкви бывает: ходит, что-то ищет... Так вот он говорил, вроде есть поверье, что, если церковь сгорела, а крест, что был на куполе, не упал, а висит посреди церкви, – его надо или поднять, или совсем снять. Иначе, говорит, будут пожары каждую неделю и вообще будут несчастья на селе. Картина жуткая! Я собираюсь сходить к батюшке и поговорить, потому что люди узнали про крест и теперь хотят как-то его поднять или уже совсем снять, чтобы не висел. Видите! Боятся не Бога, а пожара у себя дома.

Светлана Ивановна посоветовала пойти к церкви и, если там сейчас есть тот ученый, поговорить с ним, потому что он наверняка многое знает и может оказаться мне полезным.

Но я особенного интереса к нему почему-то не проявил: мало ли интересных людей, тем более ученых. Меня интересует обыденность, повседневность и обыкновенность, а искать особенное и исключительное – это для других. Поэтому я попросил Светлану Ивановну показать Дом культуры, куда мы тотчас и направились.

Этот деревянный Дом культуры находится, как мы уже отмечали, рядом с церковью, и потому, проходя мимо, мы все же посмотрели, нет ли там этого самого ученого из Бологого. У церкви никого не было.

В Доме культуры Светлана Ивановна показала все помещения и рассказала, как она проводит мероприятия. Например, дискотека для молодежи проводится в небольшом вытянутом зале – метров двадцать в длину и пять в ширину. Есть тут и нехитрая аппаратура, и что-то вроде светоустановки, и даже небольшая сцена, куда выходит во время дискотеки Светлана Ивановна, становясь дискжokeем. Предпочтение она отдает современным отечественным ансамблям, певцам и музыкантам, таким как Алена Апина или Татьяна Овсиенко. Молодежь также предпочитает танцевать под их песни, а что до иностранной музыки, то под нее танцуют меньше, и только когда приходит офицер

из находящейся неподалеку воинской части. Вот этот офицер ставит зарубежную музыку, в которой, видимо, хорошо разбирается. Здесь же, в танцевальном зале, находится печка, а в комнате за дверью – до самого потолка аккуратно сложены дрова. Кроме того, в Доме культуры есть видеосалон на тридцать пять мест. Он заменяет кинотеатр. Есть кабинет и у самой Светланы Ивановны, с большими портретами Филиппа Киркорова, Майкла Дугласа и еще каких-то голливудских звезд. Имеется также большая комната для церемоний бракосочетания, где на стене висит герб Российской Федерации и самодельный плакат с надписью:

С праздником!
Желаем счастья и здоровья,
желаем бодрости и сил,
чтоб каждый день обычной жизни –
лишь только радость приносил!

Вот такой Дом культуры. А как без него?



...«Культуре» в нашей стране повезло особенно. Имею в виду, самому слову. Есть у нас, кроме Домов культуры, еще и Дворцы культуры, а в одном из подмосковных пансионатов я видел дверь с табличкой: «Кабинет культуры»...

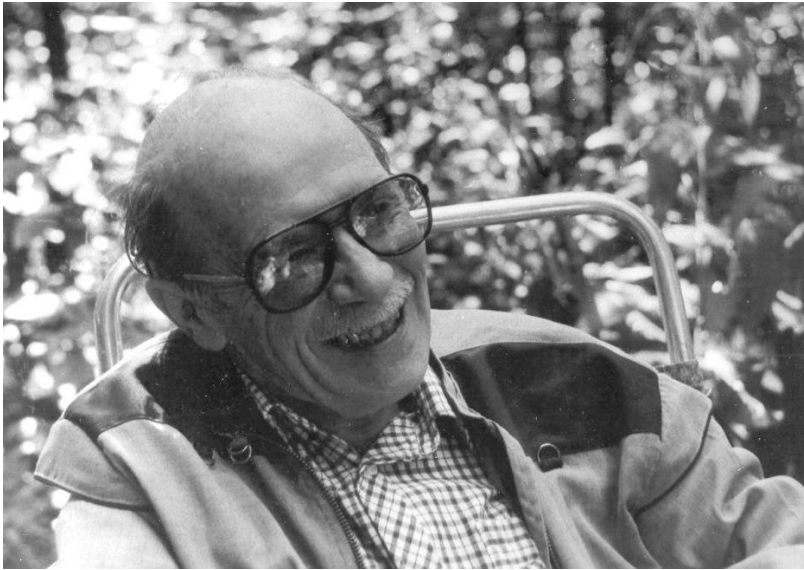
Причем во всех наших словарях «Дом» и «Дворец» всегда пишутся с большой буквы, а слово «культура» – с маленькой. Кроме зданий, с этим словом связаны еще и персоналии. Скажем, «зам. по культуре», или «заведующий культурой», или «ответственный за культуру», а

сейчас, в связи с реформами, появились «помощники по культуре». Да и «министр культуры» – еще то названьице. Тут, правда, уже все они пишутся только с маленькой буквы.... Помню, выступал один интеллигентный с виду человек и говорил: «Я знаю, как поднять в районе культуру! Я в культуре уже тридцать лет!» Или как-то один начальник хвастал: «С тех пор как я пришел в культуру...» А вспомните, скольких несостоявшихся начальников у нас «бросали на культуру»!.. Одного моего друга долго мучил вопрос: а «парк культуры» – это что? это как?.. Он даже, при случае, задал этот вопрос академику Д.С.Лихачеву, и тот, бедный, не знал, что ответить, только улыбался. А что здесь ответишь? Вот огороженная по периметру территория, а там, внутри, – деревья, газоны, клумбы, скульптуры, фонтаны, скамейки и лавочки, газированная вода, площадки для культурно-массовых мероприятий, качели, карусели, комната смеха и прочее, что связано с культурой. А за забором, где живут люди, всего этого нет. Значит, надо раз в неделю зайти за ограду и, как говорится, «окультуриться». А недавно в Москве возвели какие-то странные сооружения с пирамидками, башенками и еще бог знает с чем, и надо было все это как-то назвать. Вроде поначалу называли «Российский культурный центр», но задумались: как это центр может быть «культурным»? Культурным или бескультурным может быть только человек. Тогда решили назвать «Центр Российской культуры», но так, кажется, тоже нельзя: кто там знает, где этот центр? Это у Земли может быть центр, у города, у села, – а у культуры?.. Назвать «Российский центр культуры» – то же, что и Дворец культуры, только еще и с национальным оттенком... Словом, очень большие трудности у нас с культурой, и я думаю, что в ближайшее время они сохранятся. Самой-то культуры вроде немного, а трудности с нею – вон какие...

Я сфотографировал Марию Федоровну и Светлану Ивановну на память, попрощался с ними и направился к своей машине.

Путь мой проходил мимо сгоревшей церкви, и, чтобы сфотографировать ее изнутри, я туда забрался. Там сразу же увидел человека, который стоял посреди кучи битого кирпича и, задрав голову, смотрел вверх, будто что-то выискивая. Это и был тот самый ученый

из Бологого, о котором рассказывала Светлана Ивановна. Он был невысокого роста, щуплый, лысоватый, с седыми усиками и в очках. Одет он был скромно, но не по-деревенски. Было заметно, что он не здешний. Этаким интеллигентный старичок из Черёмушек...



Заметив меня и сдержанно прореагировав на моё уверенное приветствие, он опять стал смотреть вверх в поисках чего-то важного. Я, имея в виду предупреждение о том, что ученый этот особенно ни с кем не разговаривает, тем не

менее спросил, чего он ищет. Старичок, не отрывая глаз от потолка, начал говорить совсем о другом.

– Вот, все думают, что какие-то мерзавцы взяли и подпалили храм. Но никто не знает, кто именно...

После продолжительной паузы и моего выжидательного молчания он вновь произнес:

– Да. Церковь эта слишком явно выделялась среди всего остального.

– Что вы имеете в виду? – спросил я.

– А то, что все должно гармонично и естественно развиваться, а достигнув своего пика, так же гармонично и естественно угасать, пока не закончится вовсе... Вот вы – откуда, молодой человек, чем занимаетесь?

Я ответил, что просто еду из Москвы и смотрю на всякие любопытные вещи, может быть, потом получится книжка...

– Как у Радищева? Ну-ну! Тут каждые два-три года появляются такие... Так вот, вы можете ответить: вы еще развиваетесь или уже достигли своего пика?

– Не совсем понимаю, – слукавил я.

– Поясню, – сказал старичок, приблизившись ко мне. – Каждый человек, если, конечно, он человек, – стремится сделать что-то значительное. У него есть свое начало, затем свой пик, а потом – неизбежный конец. Кем бы ни был человек, он развивается именно так. То ли это какой-то поступок или, если это чиновник, то карьера, если писатель – книжка... Такой момент, который сам человек считает своей вершиной, у каждого есть. Кого бы мы ни взяли: артиста, спортсмена, политика... Все они достигают определенной высоты, некоторые славы – и все... Потом уже идет всякая бутафория вроде декоративной славы и прочая чушь, с настоящим ходом вещей ничего общего не имеющая. И у каждого народа такой пик тоже имеется, у каждой страны... Возьмите Монголию: сегодня – это ничто, а в прошлом несколько веков она была самой могущественной державой... Венгрия была в свое время великой страной, империей, а теперь это обыкновенная в геополитическом плане страна. Или Голландия, некогда великая морская держава... И так, кого бы мы ни взяли и к чему бы ни обратились – у всего есть начало, пик развития и печальный, как правило, конец... Возьмите города. У каждого из них тоже свое начало, расцвет и медленное угасание... Видели это село, эти дома, людей, чем они занимаются, как живут? Вы же видите, что оно умирает. Людей осталось совсем немного, и то одни немощные старики. Молодежь, если и есть, разбежится. А чего ей тут делать? Будущего здесь нет. Ни у кого! Все дома старые, покошенные, гнилые... И на этом фоне высилась вот эта церковь, возведенная, кстати, в честь весьма знаменательного события, о котором даже жители местные толком ничего не знают... Вот, возьмите и, пока я тут осматриваю, почитайте...

Старичок достал из своего портфеля папку со старыми газетами и дал мне одну из них. Это оказалась бологовская городская газета «Новая жизнь» от 6 февраля 1992 года, в которой помещена большая статья директора городского музея В.Сычева.

Я включил диктофон и стал читать вслух, чтобы потом воспроизвести записанное на бумаге. Разумеется, я зачитывал лишь самые интересные и важные отрывки из этой статьи:

«...Год 1744. Уже тогда главным для села (*Хотилова – авт.*) было существование почтового тракта. Именно он, а не скудные клочки полей, кормил бывшую посадникову вотчину. Через несколько лет императорский библиотекарь Александр Радищев напишет:

“Хотилковский Ям был уже в виду... Дорога была негладкая, лошади шли шагом...” Императорскому библиотекарю спешить было некуда, курьерская гоньба была ему не по чину. Те же, кому было по чину, на “неровности дороги”, в которых, бывало, и возок утопал, как в болоте, внимания не обращали.

Давайте заглянем в одну старую книгу. **“...Она (*императрица Елизавета Петровна*) наследовала энергию своего отца, строила дворцы в двадцать четыре часа и в двое суток проезжала тогдашний путь от Москвы до Петербурга, исправно платя за каждую загнанную лошадь...”**

...Но столь стремительные передвижения императрицы, отмеченные Василием Осиповичем Ключевским, которого мы процитировали, не всегда были следствием лишь взрывного характера “дщери петровой”. Чаше обстоятельства понуждали ее к этим скоростным мучениям – иначе и не назовешь ту езду по старому петербургско-московскому тракту.

Итак, год 1744. Всего год назад, как гласит “Иллюстрированная хронология истории Российского государства в портретах”, **“...Елизавета вызвала из Голштинии четырнадцатилетнего племянника Петра Ульриха, сына Анны Петровны, объявила его своим наследником под именем Петра Федоровича”.**

Начинающая свой путь императрица заглядывала далеко вперед во времени, и выбор наследника престола и будущие ее деяния были, как бы сегодня сказали, “просчитаны” до мельчайших тонкостей. Государственные соображения перевесили на чаше весов и дурные наклонности прусского племянника, и чужеродность его российскому духу. Властители, увы, не всегда властны в своем выборе. Помянутый

нами Ключевский потом с сочувствием заметит: **“...назначенный ею наследник престола – самое неприятное из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета...”**

Все просчитано. Будущий император пристроен под строгий надзор при дворе. Тут же рядышком (пусть присматривается!) – и будущая предполагаемая императрица. При крещении лютеранку из Штеттина Софью-Августу нарекли Екатериной. Было ей в том достопамятном году неполных пятнадцать лет. И был этот год мучительным и тревожным для нее... И судьба России (та судьба, которую она получила) была буквально на волоске. А самым тонким местом, где волосок этот мог со стоном оборваться, было ни что иное, как наше Хотилово. Именно здесь переплелись судьбы русской истории, судьбы России, олицетворенные в судьбе будущего императора Петра III и будущей императрицы Екатерины II. Но пусть она сама об этом расскажет:

“...Как только... зима установилась, мы поехали из Москвы в Петербург в санях. Мать и я в одних, великий князь (*будущий Петр III*) и граф Брюммер в других. 18 декабря день рождения императрицы мы отпраздновали в Твери, откуда уехали на следующий день. Приехав на полпути в Хотиловский Ям, вечером, в моей комнате, великий князь почувствовал себя плохо. Его отвели к себе и уложили. Ночью у него был сильный жар. На следующий день мы с матерью пошли к нему в комнату, но едва я переступила порог двери, как гр.Брюммер пошел мне навстречу и сказал, чтоб я не шла дальше. Я хотела узнать почему. Он мне сказал, что у великого князя только что появились оспенные пятна. Так как у меня не было оспы, мать быстро увела меня из комнаты, и было решено, что мы с матерью уедем в тот же день в Санкт-Петербург, оставив великого князя и его приближенных в Хотилове. Графиня Румянцева и фрейлина матери остались, чтобы ходить, как говорят, за больным. Послали курьера к императрице, опередившей нас и бывшей уже в Петербурге... В некотором расстоянии от Новгорода мы встретили императрицу, которая, узнав, что у великого князя обнаружилась оспа, возвращалась из

Петербурга к нему в Хотилово, где и оставалась, пока продолжалась болезнь”.

...Где же стоял тогда тот дом, где Господней волей решался не только вопрос жизни или смерти Петра Ульриха? Ведь одолей его черная оспа – вместе с бывшим прусским принцем умер бы и российский император Петр III. И отправилась бы обратно в Голштинию новообращенная девица Екатерина и вскоре, наверняка, опять стала бы Софьей-Августой... И не было бы мятежного дня 28 июня 1762 года, когда плечи гвардейцев подсадили на российский престол жену Петра III. Кто бы переписывался тогда с Вольтером и Монтескье?.. И кто бы загнал на десятилетнее “безвыездное пребывание” в Сибирь Александра Радищева? Но любой, мало-мальски знающий историю человек, скажет, что не было в то время другого претендента на российский престол, который смог бы создать в России ту атмосферу просвещения, в которой засветились столь наэлектризовано имена Новикова и Радищева, Державина и Фонвизина...

Так что несколько и не преувеличу, сказав, что за плотно занавешенными окнами неведомого дома в селе Хотилово императрица Елизавета Петровна выхаживала будущую судьбу государства. Ту судьбу, которую мы наследовали. Жаль, конечно, что не суждено нам теперь узнать, где же стоял тот дом в Хотилове, который заслужил памятную доску...»

– Да! Ничего себе, деревенька! – произнес я, передавая только что прочитанную статью подошедшему старичку из Бологого. – Значит, этот собор поставили в честь выздоровления Петра Третьего?!

– Совершенно верно. Учитывая наши традиции и то, что государь в России есть олицетворение государства, можете себе представить, что целый месяц здесь, в Хотилове, находился центр политической жизни империи! Ведь здесь жила императрица и наследник, а в России где государь – там и столица. Да и вопрос вон какой решался! Вот это и был пик Хотилова. Да такой, какой не у всякого большого города может быть. И в честь такого знаменательного события был построен этот собор, которому имя было дано

Петра и Павла. Собор этот возвышался над Хотиловым, а само село со временем пришло в упадок, обнищало, обезлюдело, и получился чудовищный перекосяк: прекрасная церковь и ветшающая округа. Нарушилась гармония. И такое состояние долго не могло продолжаться. Надо было или поднимать село до церкви, или... Вот второе и случилось... Церковь сгорела. Причем, я тут который раз хожу, смотрю, наблюдаю... словом, она сама загорелась, её никто не поджигал. И вот теперь эта почерневшая церковь уже ничем не выделяется, никого не восхищает, находится в полной гармонии с селом, и даже чуть хуже, а потому уже село будет как бы «догонять» церковь, дома, значит, будут гореть... И так, пока здесь камня на камне не останется.



– Забавная гипотеза, – сказал я. – По-вашему, надо скорее восстанавливать этот храм и тогда начнет оживать Хотилово?

– Мало этого. Себя надо восстанавливать и, вместе с собой, – этот храм, а иначе опять ничего не выйдет... Я, когда узнал, что сгорела церковь, послал сюда своего молодого практиканта. Думаю, пусть он

всё детально выяснит и сделает опись. Так местная шантрапа его избила: думали, что он подпалил. Вот так!

– Есть сёла не лучше Хотилово, такие же полузаброшенные, но в иных есть очень красивые и ухоженные церкви, – возразил я старику-ученому.

– Все эти церкви тоже обречены, если рядом с ними не будет налаживаться жизнь, не будут строиться дома, выращиваться урожай, учиться дети, становиться добрыми люди... Храмы постоят-постоят, и что-нибудь с ними произойдет, вот как здесь.

– А как же на это смотрит Бог? – спросил я.

– Чего? – вдруг раздраженно вскрикнул старик. – А какое дело Ему до всего этого? Посмотрите на себя, на людей, на то, как вы все живете, и подумайте, нужны ли вы такие Ему?

– Ему до всего и до всех есть дело! – упрямо ответил я, вспомнив какую-то телевизионную дискуссию на религиозную тему...

Старик посмотрел на меня из-под очков, смерил с головы до ног и уже спокойно произнес:

– Слишком много чести.

После этого он отвернулся и больше со мной не разговаривал. Я стал для него таким же, как всё вокруг, как лежащая здесь же куча битого кирпича... Хотел я ему сказать что-нибудь этакое, но... немного постояв, направился к магазину, у которого стояла моя машина.

От этого магазина до конца села примерно километр-полтора. Пока ехал – насчитал четыре черных пепелища...